

шего василевса заботу о подданных (*Al. Makr. Dial. P. 217. 14—16*). Зачастую образ монарха приводился в соответствие с конкретными задачами текущего дня. Так, в преамбуле одного из хрисовулов Андроника II, написанного в условиях внешнеполитической опасности, акцентируется внимание на образе императора-полководца⁶. Однако в трудах писателей, имевших даже одинаковые семейные традиции, социальное положение и образование, в рамках, на первый взгляд, однозначного набора добродетелей идеального василевса находили отражение столь существенные нюансы, что в конечном счете их точки зрения становились принципиально противоположными.

Николай Кавасила и Димитрий Кидонис — земляки, друзья с детских лет, аристократы по рождению — с обретением жизненного опыта разошлись в своем понимании образа правителя. Николай Кавасила в наборе присущих василевсу добродетелей, восходящем к античной традиции, делает акцент прежде всего на христианских добродетелях государя — человеколюбию и благочестию. Последнее из названных качеств (*εὐσέβεια*) {256} в энкомиях Кавасилы приведено не в общем перечне достоинств василевса, но выделено особо в композиционном отношении⁷. Несомненно, уже в этом нюансе можно предугадать последующую идейную трансформацию Кавасилы, приведшую его к поддержке и развитию мистического учения паламизма, оказавшего столь негативное влияние на общественный климат в империи в условиях нарастания внешней опасности.

Димитрий Кидонис, отталкиваясь от того идеала правителя, который был сформирован в годы его совместной учебы с Николаем Кавасилой, в отличие от последнего избрал в качестве определяющей черты в образе василевса просвещенность. «Василевс, украшенный всяческой мудростью», таков идеал, который поставлен в центр концепции Кидониса.

Оба фессалоникийца, стремясь увидеть воплощенным свой идеал главы государства, связывали его, с таким энергичным и противоречивым политическим деятелем, как Иоанн Кантакузин. Каждый из писателей находил в нем импонирующие черты. Причем в то время, как Кавасила утвердился в своем выборе, поскольку Иоанн Кантакузин избрал идейным знаменем своей политики паламизм, Димитрий Кидонис, занимавший как «месадзон» самое близкое к императору место в политической иерархии, испытал глубокое разочарование в своем избраннике, ибо паламизм был несовместим, по представлениям Кидониса и других прогрессивно мыслящих людей того времени, с истинной просвещенностью и подлинной духовной культурой (*Cydon. Corresp. S. 95—100*)⁸. Концепция идеального правителя Димитрия Кидониса опиралась на позиции гуманизма.

Приведенный пример отказа двух крупных мыслителей XIV в. от одинакового, основанного на традициях идеала правителя и их перехода на различные политические позиции свидетельствует о том, сколь тесно переплетались в Византии с середины XIV в. политика и идеология, сколь сильное воздействие оказывали богословские пристрастия на политические симпатии и в конечном счете на политическую платформу.

Поздневизантийские мыслители обращались не только к вопросам о сущности и характере императорской власти, но и к проблеме государственного управления⁹. Осмысление этой проблемы, несомненно, также является одним из важнейших элементов политической культуры общества. Порожденная философией Платона идея монархической власти как лучшей формы правления всегда доминировала в политическом сознании византийцев¹⁰. Феодор Метохит, говоря о трех возможных формах политического устройства — монархии, аристократии и демократии (*Theod. Metoch. Misc. Col. 604—642*), отдавал предпочтение монархическому строю. По его мнению, предоставляемая людям свобода, правовое и имущественное равенство не могут дать желанных результатов, ибо участие в управлении государством большого числа людей приводит к тому, что истинно талантливые люди не могут проявить себя. Писатель подтверждает свой тезис о нежелательности демократии ссылкой на современную ему Геную, ко-

⁶ Радченко К. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 153.

⁷ Паляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила) // АДСВ. 1975. Т. 12. С. 104—116.

⁸ Паляковская М. А. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин: (К вопросу о политической концепции середины XIV в.) // ВВ. 1980. Т. 41. С. 173—182.

⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л. 1976. С. 132—136.

¹⁰ Malafosse J. La monarchie byzantine // La monarchie. Bruxelles, 1969. Т. II. P. 46—47.